

Сердце Тянь Яо колотилось очень сильно. В тихую снежную ночь его сердцебиение казалось особенно громким. Он прижал руку к груди — боялся, что этот гулкий стук разбудит Юй Яна.

То прикосновение было слишком лёгким и быстрым — он уже почти забыл, каково это — целовать Юй Яна. Его губы были тёплыми, кажется, ещё и мягкими, совсем не такими твёрдыми, как его руки. Хорошо бы поцеловать подольше. Он закусил свою губу, прижал руки к сердцу — неизвестно, когда ещё представится такой случай.

Тянь Яо глубоко выдохнул. Дыхание Юй Яна было ровным. Он придвинулся к нему поближе, коснулся лбом его плеча, положил руку на всё ещё колотящееся сердце и, улыбнувшись, закрыл глаза.

Заснул он быстро. Вскоре он уже крепко обнимал руку Юй Яна, а нога его беспокойно лежала поперёк ног Юй Яна, которые почти ничего не чувствовали.

Юй Ян придавил одеяло, из-под которого торчал уголок. Хлопушки его разбудили ещё раньше. Когда Тянь Яо вернулся, он хотел что-то сказать, но не успел открыть глаза — почувствовал, как Тянь Яо приблизился, и его тёплое дыхание коснулось лица.

Если бы он сейчас проснулся, обоим было бы неловко. Поэтому он снова выровнял дыхание.

Почувствовав, что Тянь Яо уснул, он открыл глаза и посмотрел на его спящее лицо. На его собственном лице застыло выражение, которое нельзя было назвать простым.

Та атмосфера, что была между ними прежде, разрушена. Он мог бы проснуться и сделать вид, что ничего не случилось. Но по отношению к Тянь Яо это было бы слишком несправедливо.

Юй Ян не знал, был ли сегодняшний поцелуй Тянь Яо знаком настоящей симпатии, или же за время их совместной жизни у Тянь Яо просто стёрлась грань между привязанностью и любовью, которые и так трудно различить.

За это время Юй Ян хорошо узнал, что за человек Тянь Яо. У него много достоинств, и тем, кто с ним общается, трудно его не полюбить.

Юй Ян знал, что сейчас он не может думать о любви. На нём лежит слишком много другого груза: он хочет восстановить доброе имя отца и матери, возродить семью Юй, но сейчас он калека, который даже по хозяйству Тянь Яо не может помочь как следует.

А ещё Фэн Чжэ — разве он позволит ему жить спокойно? Когда он узнает, что жизнь у Юй Яна здесь наладилась, что он тогда сделает?

Нельзя, чтобы из-за него пострадал Тянь Яо, нельзя впутывать посторонних. Семья Юй пострадала не без участия семьи Фэн. Сейчас он просто не в силах тягаться с Фэн Чжэ. Всё,

что он может сейчас — быть незаметным, чтобы, когда Фэн Чжэ придёт сводить счёты, его гнев обрушился только на него одного.

Как он, такой, может говорить с Тянь Яо о любви?

В этот Новый год Тянь Яо, с его юношескими мечтами и тайным поцелуем в снежную ночь, спал спокойно — даже во сне улыбался.

Юй Ян посмотрел на его улыбку. Он хотел протянуть руку и коснуться его лица, но в конце концов убрал руку.

Тянь Яо, видимо, замёрз — придвинулся к нему ещё ближе.

Юй Ян снова придавил край одеяла, но, в отличие от обычного, не обнял его.

Тянь Яо спал хорошо, и только то, что проснулся он не на руке у Юй Яна, немного его удивило, но хорошего настроения это не испортило.

За ночь снега выпало столько, что за окном всё побелело. Он осторожно встал, поправил одеяло на Юй Яне и пошёл на кухню готовить. Маленький папочка говорил, что в первый день Нового года нужно есть яйца. Если круглое яйцо прокатить по столу — все несчастья укатятся.

Посмотрев на корзину с яйцами, Тянь Яо погладил подбородок: наверное, стоило бы завести своих кур — не придётся менять яйца у других, своё хозяйство хорошо.

На кухне лежало несколько танъюаней* — дала тётушка Шунь. Она знала, что он маленький и лепить не умеет, поэтому каждый год готовила ему порцию. В этом году порция была больше — наверное, потому, что в доме прибавился ещё один человек.

Сахар в те времена был дорогим. Тянь Яо за весь год почти не покупал сладкого. Только перед Новым годом, закупаая припасы, взял маленький кусочек. Сейчас он сварил из него сироп, в котором плавали белые нежные танъюани — кругленькие, аппетитные.

Юй Ян тоже проснулся и теперь сидел на кровати, задумавшись. Руки у него за это время стали очень сильные — он уже мог сам садиться и вставать с кровати без помощи Тянь Яо. Увидев, что Тянь Яо вошёл, он опёрся руками и пересел с кровати в коляску.

— Давай, ешь танъюань. Поедим — пойдём в храм. Сегодня там ярмарка, должно быть очень весело.

В самой деревне Хуайлин ярмарки не было. Поблизости находилось три деревни: Хуайлин, Хуайди и Янхуай. Ярмарка проходила на стыке этих трёх деревень, там же стоял храм Футун, в

котором в обычное время всегда было много народу.

Дорога в оттепель была плохая — везде грязь. Сегодня небо было хмурым, к вечеру, наверное, снова пойдёт снег. Тянь Яо толкал перед собой коляску. На неочищенном снегу оставались следы от колёс и его собственные следы, уходящие вдаль.

Сегодня был первый день Нового года. Обычно не выходящие из дома гэры, жёны и дети совали в карманы по несколько монет и выходили на улицу. Они шли, глазели по сторонам, и если видели что-то необычное, задерживались, но в основном только смотрели, не покупая — денег было мало.

Торговцы не обижались — в праздник все улыбались.

Но у Тянь Яо не было времени разглядывать товары на ярмарке. У них было более важное дело. В первый день Нового года в храме Футун было много народу — даже чтобы поставить благовония, нужно было стоять в очереди.

Тянь Яо обычно в храмы не ходил. Маленький папочка тоже не любил. С детства он внушал ему: «Надейся на себя, а не на богов». Но сегодня Тянь Яо захотел поставить благовония бодхисатве — впервые захотел пойти коротким путём и попросить, чтобы бодхисатва помогла вылечить ноги Юй Яна.

Он не хотел, чтобы коляска стала для Юй Яна пожизненной клеткой.

Он купил ароматические палочки и свечи и покатил Юй Яна в главный зал. Перед входом он вытер тряпкой грязь с колёс коляски — боялся, что эта грязь покажется бодхисатве знаком того, что их сердца не чисты.

Они ждали довольно долго, прежде чем подошла их очередь. Юй Яну было трудно двигаться, поэтому всё — и поставить палочки, и поклониться — делал Тянь Яо. Юй Ян ждал в стороне. Когда они закончили, Тянь Яо спросил у стоявшего рядом послушника, у кого можно обвести таблички золотом.

Затем под руководством другого монаха они прошли в кельи в задней части храма Футун.

Обводить золотом должен был настоятель храма. Его лицо было похоже на лик Будды — словами трудно было описать его красоту. Только руки, которые он протянул, были худыми, кожа да кости.

Настоятель выслушал их, велел послушнику приготовить кисть и, обводя таблички золотом, читал сутры — так он поминал души умерших.

Юй Ян сидел в коляске и смотрел, как Тянь Яо стоит на коленях на подушке, сложив ладони в

молитвенном жесте. Он простоял на коленях всё время, пока настоятель работал.

Когда настоятель закончил и вернул им таблички, Тянь Яо аккуратно упаковал их, поклонился настоятелю и только тогда вышел из кельи. Когда одно дело было улажено, у Тянь Яо появилось желание побродить по ярмарке.

Он заметил, что и Юй Ян как будто вздохнул с облегчением.

Ярмарка находилась недалеко от храма Футун, на стыке трёх деревень. Снег от ходьбы растаял, превратился в грязь, но это не охладило пыл людей. Тянь Яо толкал перед собой коляску, оглядываясь по сторонам.

Если ему попадалось что-то необычное, он наклонялся к Юй Яну и спрашивал. Большую часть вещей Юй Ян мог объяснить.

Помня, что Юй Яну не стоит переутомляться, Тянь Яо не собирался задерживаться на ярмарке надолго. Купив то, чего не хватало дома, он собрался везти Юй Яна обратно.

— Не хочешь ещё немного побродить? — Юй Ян заметил, что Тянь Яо разворачивает коляску назад, и поднял голову.

— Слишком холодно. Давай лучше домой. Кажется, скоро снова пойдёт снег. — Тянь Яо посмотрел на хмурое небо. — Пока снег не пошёл, дорога ещё сносная.

Юй Ян кивнул, не стал настаивать и только помолчал, а потом спросил:

— С начала зимы почти не было ясных дней, снег идёт не переставая. Соседние деревни не пострадали?

Улыбка на лице Тянь Яо померкла:

— В этом году снега действительно много. В прошлые годы было примерно столько же. Наши деревни живут более-менее сносно, урожаи в последние два года были неплохие. Так что снег особого вреда не принёс. Не знаю, как в других местах. Наверное, скоро появятся беженцы.

Юй Ян кивнул. Они шли против потока людей, направляясь в сторону Деревни Хуайлин.

— Яо-гэр?

Тянь Яо услышал, как кто-то окликнул его сзади, и медленно обернулся. Неподалёку стояли среднего возраста фулан и молодой мужчина. Тот, кто его окликнул, говорил тихо, как будто боялся ошибиться.

— Дядя Е? — неуверенно, тихо спросил Тянь Яо.

— И правда ты! Я думал обознался. — Дядя Е быстро подошёл к Тянь Яо. — В последний раз мы виделись лет пять-шесть назад. Как ты сейчас?

Тянь Яо улыбнулся и кивнул:

— Дядя Е у меня всё хорошо.

Этот дядя Е пришёл сюда спасаясь от голода в одно время с маленьким папочкой. Маленький папочка потом вышел замуж за отца, а дядя Е не попал в деревню Хуайлин — он вышел замуж в деревню Хуайди. Его муж был торговцем-разносчиком, и после свадьбы дядя Е путешествовал с ним по всей стране, так что связь с маленьким папочкой постепенно ослабла.

Позже, когда у дяди Е родились дети, он перестал ездить и остался в деревне.

Но деревни Хуайди и Хуайлин всё же далеки друг от друга, и их общение постепенно сошло на нет. В последний раз Тянь Яо видел дядю Е на похоронах маленького папочки.

Дядя Е с нежностью погладил Тянь Яо по голове:

— Тяжело тебе, дитя.

— Дядя, а где же дядя Цин? — спросил Тянь Яо.

Улыбка исчезла с лица дяди Е, глаза его покраснели:

— Твой дядя Цин ушёл три года назад.

Тянь Яо понял, что значит «ушёл», и обнял его.

— Мои соболезнования.

Дядя Е только покачал головой:

— Возраст, когда-нибудь это должно случиться. — Он поманил мужчину, стоявшего позади него. — Ты же не видел моего Ли Суна с тех пор, как он вырос?

Тянь Яо посмотрел на Ли Суна. Он был очень похож на дядю Е — худой, высокий, лицо загорелое. Когда он посмотрел на Тянь Яо, даже корни ушей у него покраснели:

— Здравствуй, Яо-гэр.

Он уже забыл, каким был Ли Сун в детстве, и только улыбнулся в ответ:

— Здравствуй, брат Сун.

Дядя Е улыбнулся:

— Ли Сун пошёл по стопам отца — стал торговцем-разносчиком. Сейчас у нас в доме всё более-менее. А ты как, Яо-гэр?

Только тут дядя Е заметил, что рядом с Тянь Яо стоит человек в кресле-коляске. У этого человека были холодные черты лица, и он, глядя на дядю Е, кивнул.

— Дядя Е, я ещё не представил вас, — спохватился Тянь Яо. — Это мой муж, Юй Ян. Юй Ян, это дядя Е, друг маленького папочки.

— Здравствуйте, дядя!

Дядя Е поперхнулся. Слова, которые он хотел сказать, застряли у него в горле.

п/п:

Танъюань (汤圆, tāngyuán) — клёцки из клейкой рисовой муки с начинкой или без, отвариваются в воде. Традиционное блюдо китайского Нового года. Круглая форма танъюаня символизирует воссоединение семьи и гармонию. В день Юаньсяо (元宵, yuánxiāojié, Праздник фонарей, 15-й день нового года) и во время Чуньцзе их едят, желая семье единства и счастья.

<http://bllate.org/book/17624/1658702>